

Владимир Короленко

За иконой

Владимир Короленко

За иконой

«Public Domain»

1887

Короленко В. Г.

За иконой / В. Г. Короленко — «Public Domain», 1887

«Из толпы, головой выше всех, выделяется фигура странника с длинными волосами, опаленным лицом и мрачным взглядом. Огромный, сухой, странно равнодушный, он легко прокладывает себе дорогу в толпе, наклоняется, подымает на плечи «порченную», которая судорожно бьется у него в руках, и, раздвигая поток человеческих тел, несет ее навстречу иконе... Пронеся несколько сажень, он кидает свою ношу на землю, склоняется над нею, и живой поток смыкается, покрывая обоих...»

© Короленко В. Г., 1887

© Public Domain, 1887

Содержание

I	5
II	7
III	10
IV	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

В. Г. Короленко

За иконой

I

Несколько дней стояло ненастье. Еще в ночь на девятнадцатое июня выпал обильный дождь, а утром облака висели по небу серыми клочьями. Но к полудню свежим ветром их сбило в сплошную тучу и понесло на север. Небо расчищалось, синело, солнечные лучи играли в лужах, на освеженной зелени висели капли, срывались и сверкали в воздухе.

– Порадела владычица, – ведро у бога выпросила, – говорили богомолыцы, кучками расположившиеся на улицах и на площади у собора, откуда в двенадцать часов должна была выйти икона.

– Пожалела православных. Гляди, и народу поприбавится... О-ох-хо-хо... На дождик-то мы не больно усердны...

Было еще рано. Пройдя бойкими улицами, миновав затем овраги, я углубился в кривые, грязные переулки на окраине города и подошел к окну, на котором к стеклу было приклеено изображение сапога. Хозяин, Андрей Иванович, выразивший вчера желание идти за иконой вместе со мною, сидел один за своим верстаком и угрюмо стучал по сапогу.

– Андрей Иванович! – окликнул я в окно. – Что же вы не собираетесь? Пора!

Он встрепенулся, но тотчас же скрыл движение радости, отложил сапог, открыл раму и потянулся в окно своим сухопарым туловищем. Внимательно взглядевшись в клочки чистого неба и в облака, уносимые ветром, как будто его решение зависит всецело от этого осмотра, а не от Матрены Степановны, которая начинает сильно ворчать в соседней комнате, – он решительным движением стаскивает со лба ремень, придерживающий волосы, и говорит:

– Иду!

Затем я присутствую при супружеском диалоге, для меня до известной степени одностороннем, так как ясно слышны мне только ответы Андрея Ивановича, а голос Матрены Степановны доносится лишь в виде бурного рокотания.

– Черт его бей! – говорит, во-первых, мой приятель, торопливо укладывая свои инструменты. Потом, надевая чистую рубашку, прибавляет: – Подождет! Что, мне из-за него и богу не молиться!

– Нашла тоже благодетеля... Вон пару шью, – полтины за работу не очистится.

– Жила он, да! А ты как думала? Жила, сквальга, скнипа!..

Голос Матрены Степановны подымается при этих кошунствах супруга против «давальцев» на самые высокие ноты, но Андрей Иванович упорствует.

– И никогда не приравняю, – говорит он уже другим тоном, – тоном защиты, затягивая в то же время пояс. – Нашла к кому приравнять: по крайней мере, как бы то ни было, все-таки образованный человек, книги сочиняет... не им, живодерам, чета!

Так как в этой речи моего друга, хотя и снабженной столь многочисленными оговорками («по крайней мере», «как бы то ни было» и «все-таки»), дело, очевидно, идет обо мне, то, из понятного чувства скромности, я несколько удаляюсь от окна. Звуки супружеской перепалки усиливаются, но все же через минуту Андрей Иванович выбегает из калитки. Он несколько красен, несколько взволнован, но во всей его фигуре видно оживление и торжество. К сожалению, я должен сказать, что минуты подобного торжества в супружеской жизни Андрея Ивановича далеко не часты... Как бы то ни было, мы быстро шагаем по городским улицам. Андрей Иванович впереди, и мне видно, как у него нервно подергивается спина, как будто на ней есть

глаза, в эти глаза видят оставленный назади дом, и у дверей фигуру Матрены Степановны, и как она стоит, упершись руками в бока и посылая нам вдогонку не христианские пожелания...

Между тем по улицам двигались уже кучи разряженных обывателей и обывательниц. Деревенский люд, богомольцы в «поклонники», собравшиеся к проводам иконы из окрестностей, а иные из отдаленных сел и городов: из Балахны, Городца, Василя, – сидели на панелях, под стенами домов, разложив вокруг узлы, кошель и котомки. Многие тянулись уже к монастырю, где перед выходом из города служат молебны. Лавки на попутных улицах закрывались, торговля прекращалась, колокола гудели вдали, и звон разливался над городом, как море, захватывая одну за другой церкви, все ближе и ближе.

Когда мы вышли на улицу, ведущую к девичьему монастырю, пестрые передовые толпы уже заливали ее почти сплошными массами. Кое-где, ближе к концу города, у ворот и калиток стояли ведра или небольшие ушаты с квасом. Богомольцы подходили к ним, снимали шапки, крестились и испивали.

– Спаси вас господи, царица небесная, радетели...

У монастырских ворот конные и пешие городские сдерживают напор толпы. Они сортируют публику, пропуская одних, «которые почище», а «чернядь» отгоняя прочь. Нас пропустили, хотя с некоторым колебанием.

Против входа, на дворе, темным пятном среди пестро наряженных горожан выделяется отряд монастырских клирошанок. Впереди игуменья, среди рясофорных стариц, радушно раскланивается с именитыми горожанами. В задних рядах молодые послушницы, в конических шляках, потупляют глаза перед любопытными взорами мирской толпы. По временам из-под шляка сверкнет молодой взгляд, заиграет лукавая улыбка. И потом голова наклоняется, потупляются глаза и черная тень надвигается на лицо, оставляя на виду только губы и подбородок... Становится как-то жутко. Чувствуется невольное в этой тени и трепетание молодой жизни, и, быть может, порыв, и, быть может, протест, и, быть может, глухая борьба...

Впрочем, стоит перевести взгляд на первые ряды, и тревожные фантазии рассеются: здесь, в тихой обители, годам к шестидесяти приходит, вместе с телесною полнотою, душевный мир и то незлобивое спокойствие, с каким в ту самую минуту почтенная предводительница клира приветствовала старого, но очень любезного полицейского генерала.

Андрей Иванович дернул меня за рукав.

– Идем! Что нам здесь смотреть?... Чернохвостые! – добавил он, кидая сердитый взгляд исподлобья.

Однако уходить уже было поздно. У входа образовалась давка, так как икона приближалась к монастырю. Черницы с трудом проталкиваются за ворота, и через минуту над гулом идущей суетливо толпы слышен хор женских голосов, поющих тропарь:

«Днесь светле красуется Нижний-Новгород, яко зарю солнечную восприимше...»

Через несколько минут процессия появляется в воротах. Наклоняясь над густой толпой, проносятся хоругви, парча волнуется и сверкает, тонкое резное серебро дрожит в синем воздухе. Кресты, сияния, фонари, затем золоченая риза иконы с темными ликами богородицы и младенца – все это будто плывет над обнаженными головами народа. Еще минута – и железные ворота, точно по волшебству, разрезают живой поток, смыкаются и сдерживают толпу. Несколько пеших городских, навалившись изо всех сил, подпирают ворота своими дюжими фигурами; сквозь решетки видно пять конных молодцов, тесно сомкнувшихся стремя у стремени. Лошади подтягивают морды, играют и топчутся на месте, отжимая толпу. Толпа ропщет, кто-то кричит, кто-то ругается, два клира наполняют воздух пением, вверху гудят колокола и шумят деревья... Икона вносится в церковь.

II

Через полчаса, после молебна, икону проносят из монастыря к лагерю. Войска отгородили широкий квадрат у подножия церкви. Музыка играет «Коль славен...», раздается команда «на молитву», в ясном воздухе гудит и дребезжит бас диакона, чуть-чуть слышится пение хора, относимое ветром. После молебна икону, поставленную в киот, на длинных дрогах поднимают на плечи; трогаются вперед хоругви.

- Барин, вы, видно, до Оранок? – спрашивает, трогая меня за рукав, какая-то старушка.
- До Оранок, матушка.
- Владычице... свечку за меня, грешную. – Морщинистая рука тянется ко мне с пятаком.
- И от меня возьми, барин.
- И от меня.

Я принимаю поручение и кладу набранную сумму особо.

Невдалеке, уже на тракту, служат прощальный молебен. Здесь толпа начинает разделяться. Зонтики, шляпки с цветами, щегольские мужские шляпы отделяются по направлению к городу. Рыжие мужицкие гречневики, котомки, лапти, красные сарафаны деревенских молодых, кое-где мещанский ситец, белые платочки – все это отливает по тракту вперед. Нищие стоят по сторонам, протягивая руки. Дурачок Митька выкрикивает, стоя на холме, командные слова, какой-то долговязый юродивый размахивает палкой, бормочет что-то и бежит за толпой. Позванивая колокольцами, с трудом пробираются меж народом три или четыре почтовые повозки, в которых сидят два толстых монаха с лоснящимися и довольными лицами.

- Казну везут в монастырь, – говорят около нас.

Через несколько минут, выбравшись на более просторное место, ямщики трогают вожжи, колокольцы заливаются, а повозки, минуя быстро идущую толпу, несутся на горку и исчезают из виду.

Впереди – пологий красивый подъем. Широкою лентой, окаймленная четырьмя рядами развесистых, старых берез, лежит дорога, вся пестрая, вся живая, усыпанная народом...

Но вот, в половине подъема, оказывается задержка. Торопливо пройдя полями, наперерез, из ближней деревни вышла на тракт кучка крестьян и стала в ряд, навстречу приближающейся иконе... И тотчас же около нее начинает как-то густеть и завиваться прегражденное течение людского потока.

Мы прибавляем шаг и слышим все яснее пронзительные причитания. Молодой женский голос, то иступленный, то жалобный, страдающий и молящий, разносится в воздухе, между тем как сзади, надвигаясь все ближе, растет торжественный напев тропаря.

- Кличет... – сказал Андрей Иванович.

– Кликуша... порченная... Под икону класть привели, – говорят кругом в толпе с живым интересом.

– Пока до Митина дойдем, штук десять выведут, – прибавил равнодушно какой-то немолодой мещанин.

- Баловство одно! – кидает Андрей Иванович.

- Баловство и есть... Поучить бы хорошенько...

– Поучи-ить? – язвительно и звонко подхватывает какая-то бабенка. – Чем она виновата? Иная от вас и закличет, от учения вашего...

– Да, говори!.. Стоят этикие же вот две сороки. Одна и спрашивает у другой: «Ты ноне, Аниська, станешь выкликать, что ли?» – «Нет, мол, не стану, сыро!» – «Ну так погляди у меня калачи, я покличу маленько...»

В толпе смех.

- А ты это сам слышал, что ли? – заступаются опять обиженные бабы.

Между тем около кликуши степенно и грустно стоят ее одnodеревенцы, а родные держат молодую женщину под руки. Толпа все приливает... Резкий крик... по временам плавное причитание, сменяющееся стонами и неистовым, надрывающийся воплем... Легкое облако пыли, пронизанное солнцем, колеблется между рядами берез... Глухой шум, будто от прорвавшегося потока, мерный топот десятитысячной толпы и волны клирного пения, объединяющего весь этот нестройный гул в одно могучее, захватывающее движение, – все это близится, вырастает, охватывает и подымает за собой, между тем как впереди, споря с общою гармонией, бьется какое-то одно жалкое, страдающее и непокорное существо с этим испуганным, надрывающимся голосом...

Мне становится жутко. Андрей Иванович хмурится. Мы стоим в густой давке, на откосе тракта, а мимо нас, точно река, сжатая берегами, густо, величаво и плавно несется уже сплошная толпа, давно охватившая группу с кликушей, которая неистово вырывается из рук, мечется, кидается в стороны...

Икона близко... Резкий, нечеловеческий вопль покрывает и смешивает на мгновение пение хора.

Из толпы, головой выше всех, выделяется фигура странника с длинными волосами, опаленным лицом и мрачным взглядом. Огромный, сухой, странно равнодушный, он легко прокладывает себе дорогу в толпе, наклоняется, подымает на плечи «порченую», которая судорожно бьется у него в руках, и, раздвигая поток человеческих тел, несет ее навстречу иконе... Пронеся несколько сажень, он кидает свою ношу на землю, склоняется над нею, и живой поток смыкается, покрывая обоих...

Еще один подавленный крик... Ряды фонарей, крестов, хоругвей уже далеко впереди... Кругом только мерный топот и гул неудержимого, как стихия, человеческого потока. В клубах кадильного дыма, в волне торжественного пения, колыхаясь и сверкая на солнце, икона плывет в воздухе над этим океаном обнаженных голов, – над подавленным, строптивым воплем «одержимой»... Пение, все такое же стройное, все тише, все мягче расплывается в воздухе, а сквозь редящийся топот уже вновь пробивается ласковый шорох и шелест придорожных берез...

Молодая женщина лежит в пыли, на дороге. Она тихо вздрагивает и как-то по-детски плачет... Любопытные заглядывают через плечи родственников, сомкнувшихся вокруг «порченой», а странник, такой же равнодушный и мрачный, опять прокладывает себе путь вперед, ближе к иконе...

Жарко... Как-то сразу я чувствую и зной, и то, что котомка невыносимо отдавила мне плечи, и всю трудность пути за этою быстро уносящеюся толпой. Андрей Иванович остановился и смотрел вправо. Там, с крутого обрыва, виднеется гладкая излучина Оки. Река лежит среди сырых и парящих от зноя лугов, светлая, ровная. Оттуда, снизу, так и манит, так и веет свежестью и прохладой.

– Вот что, – решает Андрей Иванович, – надо купаться!

– Далеко, милые, отстанете, – дружелюбно говорит какая-то богомолка, торопливо пробегающая мимо нас, но мы решаемся и быстро спускаемся по обрыву, поросшему орешником.

Тихий берег. Гребень обрыва скрыл от нас толпу с ее говором и движением. По временам на этом гребне мелькают цветные фигуры, в одиночку и парами, все реже и реже. Река плещет в каменистый берег. Вправо, верстах в десяти, из-за реющего тумана виднеются строения и церкви Канавина. На нашей стороне, дымя высокими трубами, бесшумно работает завод. После суетливого речного движения Волга ее соседка Ока производит странное впечатление. Как здесь тихо! Далеко, на той стороне, вдоль песков, скользит парусная лодка. Под горой («яром», как здесь называют) по берегу движется темное пятно. Это бурлаки, которых вы почти уже не встретите по Волге, ведут бечевой небольшую барку. Пятно будто стоит на месте, и только после долгих промежутков видно, что оно становится меньше, все удаляясь вверх по реке. Дрянной окский пароходик пробегает из Нижнего, гулко шлепая колесами

среди пустынных берегов. На палубе никого не видно, даже на трапе пусто. Только, затерявшись у штурвала, виднеется одинокая фигура лоцмана.

III

Когда, выкупавшись, мы опять поднялись на гору, – дорога совсем опустела. У «мызы», на свежем воздухе, семья хозяина благодушествовала за самоваром. Несколько переселенческих телег стояли тут же с подвязанными кверху оглоблями. По всей дороге, избегающей на горку, не было видно никаких следов крестного хода. Кое-где только по сторонам шли нам навстречу увлеченные общим течением и теперь возвращавшиеся обратно горожане.

– Далеко икона?

– В Новой деревне молебен отслужили.

Прибавив шагу, мы быстро миновали Новую деревню. Тут попадались уже отсталые. Пьяный мужик плелся неверным шагом, грустно помахивая из стороны в сторону своею кудрявою головушкой.

– Н-не догнать будет, мил-лаи... Н-и-и. Она, владычица-те, чай, уж куда улетела. В Борисове теперь... А мы, по грехам-те нашим, отстали вот... Ах, мил-лаи!..

И мужик долго качал сзади нас победною головушкой, объятый глубокой скорбью. Наконец, вероятно изнемогая в неравной борьбе с своею греховностью, он присел у дорожной канавы. Оглянувшись, мы увидели бедного человека с запрокинутою головой, и что-то вроде бутылки сверкало в его руках на солнце. Вскоре только красное пятнышко, лежавшее на зеленом фоне придорожной муравы, обозначало место победы греха над благочестивым стремлением...

Впрочем, кудрявый мужик не один испытал эту горькую участь. В тени березок, а иногда и в грязи канав, то и дело попадались нам тела других павших.

А вот на свалившемся и полусгнившем дереве отдыхает какая-то компания. Седой еврей в солдатской шинели, с громадною лохматою бородой и белыми кудрями да еще три-четыре мрачных субъекта более или менее сомнительной наружности... Седой старик, очевидно, пристал к ним сейчас. Один из компании наклоняется к его уху и кричит:

– Ступай ты, служивый, от нас. Не рука нам, значит... Иди, иди!

– А-яй! Глухой я, ничего не слышу... А прежде на бубен играл... Ай-ай, как я играл на бубен...

Долговязый, черный золоторотец флегматично поднимается с бревна, берет старика за шиворот и ставит на дорогу. Порядочный толчок сильной руки показывает служивому, что от него требуют. Подхватив котомку и тревожно оглядываясь, старик суетливо бежит по тропинке. По-видимому, только теперь он сообразил, что имеет дело не с праздными дорожными зеваками, которым любопытно знать, как он играл на бубне, а с людьми, которые заняты делом. Рать богомольцев имеет своих отсталых и павших, а это мародеры. Они смотрят на нас, сидя на своем бревне, как коршуны, из-под насупленных бровей. Только один, с толстою физиономией, одетый в женскую кургузую кацавейку, глядит веселее и даже не без юмора.

– Что, отстали, господа? – спрашивает он.

– А вот, – угрюмо отвечает мой спутник, шагая мимо, – смотрим, не попадется ли где работишка...

– Какая?

– Грузчики мы, карманы выгружаем, – отвечает Андрей Иванович невозмутимо.

– Ишь журавль долговязый!

– Что ты ругаешься?

Андрей Иванович мгновенно поворачивается. Его странные, глубоко сидящие глаза сверкают из-под шапки рыжих волос (картуз у него спрятан в котомке). Он большой любитель кулачного боя и считает ниже своего достоинства справляться о числе противников. Несмотря на долговязость и сухощавость, его фигура обличает незаурядную силу. Длинные сухие руки

заканчиваются громадными красными кулаками. Сомнительные субъекты мрачно оглядывают его, производя безмолвную оценку. Только кацавейка, по-видимому, готова принять вызов.

– Сиди ты, «машка»! – останавливают его. – А вы, господа, идите себе своей дорогой.

– И то идем. А ты не моги нам указывать... – горячится Андрей Иванович.

– А ты не горячись, – высказывает кацавейка, – я, брат, и сам с усам. Ка-ак махну...

– Ты?

– Я.

– Меня?

Андрей Иванович, отставив кулак назад, подходит грудью к кацавейке, великодушно подставляя под удар не защищенную физиономию. Я знаю, что в эту минуту самое горячее желание Андрея Ивановича состоит в том, чтобы кацавейка осмелилась его ударить. В груди у него кипит и подымается что-то такое, что может получить естественный исход лишь в случае оплеухи со стороны противника. А уж тогда последуют со стороны Андрея Ивановича истинные чудеса неустрашимости.

Однако бой не состоялся. С одной стороны, я усиленно удерживаю Андрея Ивановича. Это очень трудно. Его железная рука легко отмахивается от меня.

– Уд-ди! Не трог! – кидает он в мою сторону довольно грубо. С другой стороны, черный золоторотец отталкивает кацавейку. Мрачный субъект, по-видимому, человек серьезный, и весь эпизод сердит его, как глупая шалость, мешающая «работе».

Как бы то ни было, поле остается, бесспорно, за Андреем Ивановичем. Отставив правую руку назад, приподняв левое плечо кверху и весь подавшись вперед, он гордо стоит на месте, между тем как противники, огрызаясь, уходят в том направлении, где на травке алеет кумачная рубаха скорбевшего о грехах мужика.

Через минуту, круто повернувшись и не говоря более ни слова о происшедшем, Андрей Иванович шагает по дороге как ни в чем не бывало.

IV

У небольшого поселка Ольгина дорога разделилась. По старому Московскому тракту, протянувшемуся на Горбатов и далее на Муром, рассыпаны пестрые кучки крестьян, которые выходили навстречу иконе из ближних деревень и теперь возвращаются обратно... Арзамасский тракт ушел влево.

Отсталых все больше и больше, но главной массы богомольцев не видно вовсе. Деревни, через которые приходится идти, точно вымело, – жители провожают икону до следующих деревень, а иные присоединяются к богомольцам до Оранок. Только квасники-лавочники еще не убрались и считают под навесами медяки, оставшиеся в выручках после только что отлившей людской волны.

– Кваску, господа, не угодно ли?

Мы пьем везде, где только возможно. «Для ходу человеку квас очень пользителен, – философствует Андрей Иванович. – А для отдыха, заметьте себе, квасу не кушайте, а более чай».

– Что, хорошо ли торговали? – спрашиваю я у торговца, оттирающего платком потное, красное лицо.

– Ух, господин, чистая беда! Главное дело – безобразно очень: все деньги вперед надо спрашивать. Не доглядишь – он выпьет, потом идет себе, более ничего.

– Или теперь со сдачей... – меланхолически добавляет торговец. – Дает гривенник, а сдачи просит с пятиалтынного.

Андрея Ивановича почему-то оскорбляют эти обвинения.

– Не грех богомольцу и даром кваску поднести, – сообщает он свое решительное мнение.

– Наше дело торговое, – холодно отвечает лавочник.

– Живодеры вы, вот что! – говорит мой приятель уже на ходу, но его замечание, по видимому, не доходит по назначению.

– Назад пойдете, может, ночевать к нам не зайдете ли! – звонко и приветливо кричит торговец вдогонку.

– Вот они, торгоши, – ты ему плюнь в глаза, а он говорит: «божья роса!» Ничтожный народ.

Андрей Иванович имеет обыкновение выражаться резко в определенно; его симпатии и антипатии, как и все поступки, отличаются быстротой, решительностью и некоторою парадоксальностью. Он – отличный работник и примерный семьянин. В молодости года три он сильно пьянствовал и даже валялся в лужах, но потом вдруг остепенился. Чтобы закрепить это обращение на путь истины, отец решил женить его на Матрене Степановне, немолодой и некрасивой девушке, обладавшей резким голосом и очень твердым характером. Андрей Иванович не вышел из родительской воли, и с тех пор жизнь его пошла ровно. Матрена Степановна держала его круто, но, впрочем, и сам он понимал свои обязанности. Работник он был примерный, пользовался нераздельно доверием заказчиков на Яриле и Новой Стройке (окраинных частях города), трудился с утра до вечера, с «давальцами» обращался очень почтительно. Только когда на время «снял хомут», как сам он выражался, тогда сразу становился другим человеком. В нем проявлялся строптивый демократизм и склонность к отрицанию. «Давальцев» он начал рассматривать как своих личных врагов, духовенство обвинял в стяжательстве и в чревоугодии, полицию – в том, что она слишком величается над народом и, кроме того, у пьяных, ночующих в части, шарит по карманам (это он испытал горестным опытом во время своего запойства). Но больше всего доставалось купцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.